

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ

О.К. Крокинская

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ОПЫТ В ПРАКТИКАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО ОБЫДЕННЫМ СОЗНАНИЕМ*

В статье представлены результаты исследовательского проекта, направленного на изучение феномена «культурная память» и когнитивной работы обыденного сознания в рамках этого феномена. С этой целью анализируются результаты опросов по теме «Конструирование будущего на базе социального прошлого», полученные методами формализованного опроса и изучения свободных нарративов, созданных респондентами. Выявлены две модальности представлений о будущем: будущее как «плохое прошлое» и будущее как «хорошее прошлое». Эмпирически подтверждается факт когнитивной работы обыденного сознания с социальными конструктами макро- и микроуровня социума, выдвигаются предположения о ряде ментальных операций, на которые она способна.

Ключевые слова: культурная память, обыденное сознание, когнитивная активность, прошлое, будущее.

Введение

Проблематика будущего в современной социальной мысли чрезвычайно актуализирована. Проходивший в Вене в июле 2016 г. Форум Международной социологической ассоциации был посвящен теме «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». Авторы программной статьи в рамках публикаций Форума (Иванов, Асочаков 2016), раскрывая базовый характер будущего как предмета социологии, называют ныне идущий научный процесс концептуальным поворотом к возобновлению исследовательской повестки будущего в социологии. Пятый Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Антропология жизненного пространства современного полиэтничного мегаполиса», поддержанного РГНФ. При ее написании использованы данные, полученные в проекте «Образы прошлого как фактор формирования социальных ожиданий россиян» (РГНФ, 2013–2015 гг.).

Крокинская Ольга Константиновна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (krokinskaya@mail.ru)

Krokinskaya Olga — Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, The Herzen State Pedagogical University of Russia (krokinskaya@mail.ru)

справедливость» (Екатеринбург, 19-22 октября 2016 г.) включал в программу специальную сессию «Будущее как проблема социологической науки». Наконец, ВЦИОМ объявляет для VII Социологической Грушинской конференции весной 2017 г. тему «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». Социологическая публицистика также активно работает с этим понятием, создавая разнообразные контексты его рассмотрения.

Вместе с тем возобновление тематики будущего глубоко проблематизирует ее, особенно для нашей страны. В немалой степени потому, что еще недавно более или менее понятная перспектива движения России в общем цивилизационном направлении сегодня «закрылась» и высветилась оборотная сторона медали — инерция, застой, стагнация и даже движение вспять современности — архаизация. В результате обсуждение будущего идет в паре не с настоящим, которому оно, по идее, должно наследовать, а с прошлым. Мы видим это не только в характерных заголовках СМИ, но и в позициях научных сообществ: «Есть ли будущее у возврата в прошлое» (Рубцов 2014), «Нет сигналов к образу будущего, которое сулит позитивные изменения» (Пастухов 2015), «Мы мыслим о будущем, исходя из прошлого» (Эткинд 2013), значение прошлого опыта страны обсуждается в категориях угрозы будущему (Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему 2015), звучат голоса об остановленном социальном времени (Кордонский 2015; Крокинская 2015), впрочем, встречаются и не пессимистические подходы (Кузнецов 2013). Эти работы не всегда представляют собой академические штудии и фундаментальные научные труды. Часто это оперативно полученные экспертные высказывания, зафиксированные в массмедиа, однако у нас нет оснований из-за этого ими пренебрегать, т. к. они определенно звучат в ответ на сверхактуальный запрос общества о характере его современной динамики.

Этим рефлексивным всплеском, действительно, ясно обозначено возобновление повестки будущего в социологии. И тогда надо хотя бы кратко обозначить ее глубокую ретроспективу и долгую динамику: от единичных примеров социально-философских утопий (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла) — к научным теориям (К. Маркс) и актуальным моделям (Д. Белл, О. Тоффлер), и от них — к массовым представлениям. Эпистемологический дрейф переводит будущее из формата мечты в формат проектов, делает предположения о нем все более убедительными и умопостигаемыми. Это расширяет аудиторию, к которой они были обращены, и вовлекает ее в рефлексию о будущем, в том числе практическую, прагматическую. В результате в современном обществе кроме экспертов есть и массовые субъекты такой рефлексии. Это — люди, граждане, которые каким-то образом фиксируют будущее в своих представлениях и учитывают его в своих жизненных планах.

Основной исследовательский вопрос

Наличие обыденных жизненных планов референции с определенными образами будущего не требует доказательств, но нас интересует другое — социальное и культурное будущее. Здесь локализуется наш основной исследовательский вопрос: способна ли массовая ментальность, обыденное / повседневное сознание рефлексировать о будущем на социетальном уровне, а не только

в связи с планами на год, два, три в жизненных стратегиях людей? Возможно ли это в отсутствие государственной идеологии и направленной пропаганды, как это было в советские времена, когда образ социального будущего, коммунизм, был определен, ясен и принят народом страны? Можно ли говорить о когнитивной работе массового, повседневного, обыденного сознания на этом уровне?

Посылкой к такому вопросу служит убеждение в том, что все виды социальных изменений, независимо от формата, в котором они происходят (реформы сверху, революции, эволюция), реально осуществляются только при решающем участии «низовой» социальной культуры и первичных субъектов социальной активности — индивидов, сообществ, общества в целом, в ситуации принятия или непринятия ими месседжа и вектора изменений.

Обнаружение подобных способностей, если оно произойдет, должно сообщить нам важные сведения о том, на какую культурную основу лягут стимулы предлагаемых инноваций — политических, экономических, культурных; имеют ли они перспективу быть принятыми и в какие гибриды, возможно, сложатся. Будущее в любом случае не предопределено, но можно ли сказать, что оно формируется совсем не независимо от воли и намерений людей? Какие элементы прошлого все же участвуют в конструировании будущего, коль скоро оно конструируется в определенной мере и повседневной жизнью?

Краткая характеристика исследовательской программы

Все следующие материалы характеризуют объект исследования, обыденное сознание, только для топохрона Санкт-Петербург 2013–2015 гг., т. е. с учетом уникальной ситуации, сложившейся в эти годы в стране и в городе. Выборка исследования квотная, нерепрезентативная, имеющая характерный для Санкт-Петербурга как мегаполиса крен в область высшего образования и высокой квалификации населения. Среди опрошенных, численность которых составила 484 человека от 18 до 70 лет и старше, имеют среднее и среднее специальное образование 36 %, незаконченное высшее (студенты) — 13 %, высшее образование и ученую степень — 50 %. Это несколько выше, чем статистически достоверный уровень (примерно на 10 %), но для работы качественными методами, которые преимущественно используются в представляемом здесь проекте, это особого значения не имеет. Метод опроса — раздаточное анкетирование с самозаполнением в присутствии интервьюера, интервьюеры — студенты социологического факультета СПбГУ, их работа оплачена из средств гранта. Часть исследовательских вопросов, обсуждаемых в статье, изучались с помощью формализованных шкал и в расчете на количественный анализ, часть — путем включения в анкету элементов качественного исследования, позволивших работать с дискурсами и нарративами.

Указанными методами исследованы три модальности когнитивной работы обыденного сознания с категориями прошлого и будущего: моделирование будущего на базе прототипов прошлого с негативным отбором (будущее как «плохое прошлое») и с позитивным отбором (будущее как «хорошее прошлое»), а также способность прогнозировать будущее в отрыве от прототипов (подробнее см.: Крикинская 2015).

Будущее как плохое прошлое: ожидания и оценки

Эта часть исследования осуществлялась на базе номинативной шкалы, включающей ряд ключевых элементов (структур, событий, фактов), имевших место в истории России в прошлом. Респонденты отвечали на вопрос «*Могут ли в будущем нашей страны так или иначе повториться (или в новых формах проявиться) следующие элементы прошлого?*» В задачу респондента входила оценка возможности, а также желательности или нежелательности их повторения уже в качестве неких образцов (архетипов, паттернов). В табл. 1 и на рис. 1 представлены полученные результаты.

Сформированная таким образом модель вероятного будущего в глазах жителей Санкт-Петербурга 2014 г. выглядит ухудшенным образом настоящего, сегодняшнего времени, а при прогнозе повторения архетипов советского времени — часто нежелательным его вариантом. Это страна с единой государственной идеологией, принуждением к единому мнению и политическими

Таблица 1

Возможность и желательность / нежелательность повторения архетипов (паттернов) прошлого
% от числа опрошенных в целом по выборке, 2014 год, 484 чел.

Архетипы (паттерны) прошлого	Могут повториться	Для Вас это	
		жела-тельно	нежела-тельно
Единая государственная идеология, принуждение к единому мнению	47	6	44
Революции	42	6	39
Раздробленность на отдельные самостоятельные территории («княжества», малые государства)	38	4	40
Политические репрессии	35	2	38
Насильственное присоединение территорий*	33	5	34
Дефицит товаров и их нормированное распределение («карточки»)	33	1	35
Конституционные (государственные) гарантии права на труд, жилье, здравоохранение, образование	33	36	2
Освободительные войны	31	12	24
Плановая экономика	28	19	11
Монархия и передача власти по наследству	22	5	23
Относительное равенство в доходах	16	13	7
Ничто из этого повториться (или вновь появиться) не может	8	4	5

* Опрос проходил осенью 2014 г., уже после присоединения Крыма, а значит, ответы предполагают возможность еще каких-то других присоединений.

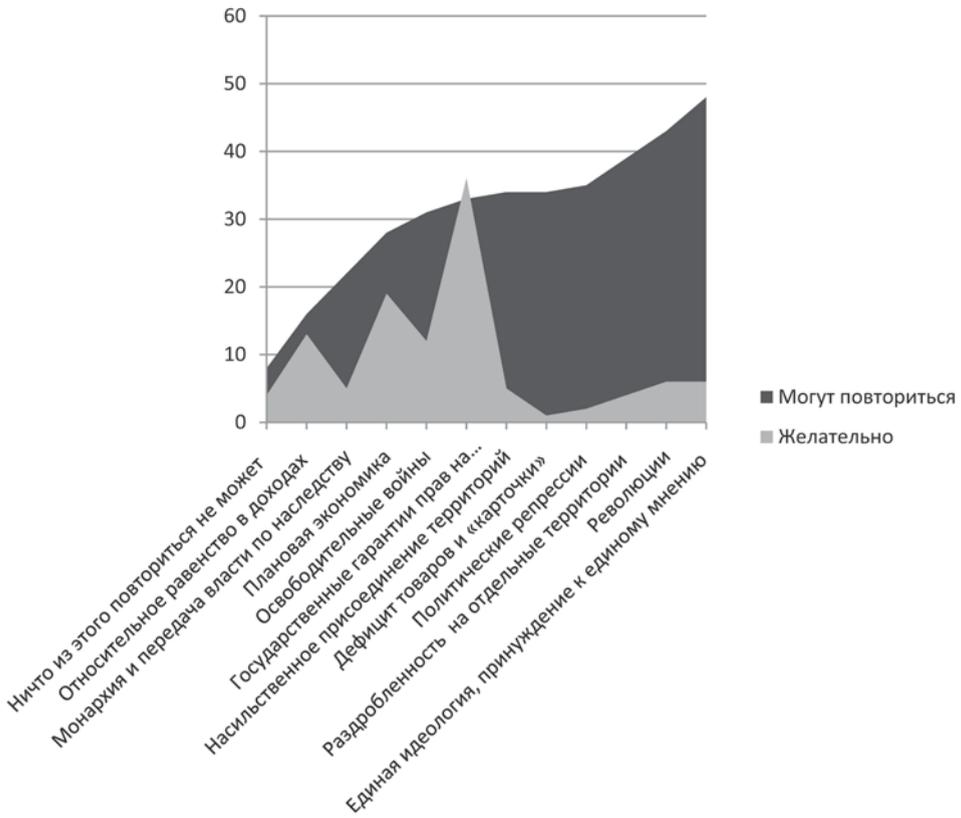

Рис. 1. Желательность / нежелательность повторения архетипов (паттернов) прошлого (2014, % от числа опрошенных)

репрессиями; с тенденцией к монархии и передаче власти по наследству, раздробленная на отдельные самостоятельные территории (т. е. с тенденцией к распаду); обещающая гражданам государственные гарантии на труд, жилье, здравоохранение и образование, но при отсутствии равенства в доходах; при этом относительно сытая, не допускающая дефицита товаров и их нормированного распределения. Иными словами, *авторитарная идеократия с (все-таки!) рыночной экономикой*. Сочетание рынка и его потребительских удобств с нон-демократическими структурными элементами делает всю конструкцию эклектичной, неустойчивой и, казалось бы, нереальной. Но для нашего исследования важно, что предложенные для оценки модельные элементы разных типов социального устройства массовым сознанием «принимаются к рассмотрению» и участвуют в конструировании абриса будущего в вероятностном подходе. А, кроме того, гибридный характер наступившего настоящего неожиданно убеждает, что и социальная эклектика также возможна.

Часть из этих вероятных повторений для опрошенных желательна, часть нежелательна. В целом не желая повторения прошлого, что особенно заметно по рис. 1, участники опроса все же частично признают желательным возобнов-

ление в будущем *плановой экономики* — 28–30 % ответов во всех возрастных сегментах, *относительного равенства в доходах* — 17–19 % в старших группах (26–49 лет и 50–70 лет) и 25 % у молодых (18–25 лет), и особенно *государственных гарантий на труд, образование и здравоохранение* — 50–54 % в старших группах и 63 % у молодых. Остается неясным, вытекают ли экономические ожидания молодых людей из их осознанных политических установок или они выступают следствием зависимости, низкого статуса и потребности в помощи со стороны семьи и государства, что, в отсутствие иных структурных и институциональных основ, легко порождает именно патерналистские социалистические установки.

Спустя два года после этого замера мы имеем возможность подтвердить довольно высокую степень адекватности прогноза, сделанного не экспертами, а обычными людьми, единственной опорой которых в оценках стали их представления о прошлом и ощущения от повседневности в настоящем. Предчувствия их не обманули, динамика ситуации идет в русле намеченных векторов, и это означает, что далее мы можем еще внимательнее относиться к результатам когнитивной работы повседневного сознания и доверять им, несмотря на то, что они получены не объективными средствами науки, а субъективными инструментами опыта — ощущений, настроений, сравнений, ожиданий.

Несколько промежуточных методологических замечаний

Мы редко задумываемся о том, какого рода задачи решает наш респондент, когда он отвечает на вопросы анкеты. В данном случае понимать это очень важно, т. к. это сложные когнитивные задачи. Отвечающий должен идентифицировать и отрефлексировать имеющиеся у него образы прошлого и будущего, артикулировать свои, не очень четкие, представления, извлечь из них то, что соответствует запросу социологического инструментария, и преобразовать эту информацию для точного ответа на вопрос, а именно — произвести ее оценку на приемлемость относительно предложенных критериев. Материал, с которым работает в данном случае обыденная ментальность — это социальные смыслы разнообразных фактов и артефактов действительности. А вот что собой представляет совокупный феномен, который мы здесь наблюдаем? Его работа должна быть способна охватить и пространство прошлого опыта, и горизонт ожиданий грядущего, и помочь произвести требуемый отбор.

Представляется, что этот феномен — **культурная память**. Это понятие входит ныне в арсенал философии, истории, культурологии, антропологии, этнологии, краеведения, педагогики и на сегодняшний день может считаться неплохо разработанным. Точнее, оно аккумулирует вокруг себя целое исследовательское поле так называемых *memory studies*, которое считается одним из парадигмальных «поворотов» в гуманитарной науке конца XX — начала XXI вв. Теоретической базой для всех них являются несколько работ Мориса Хальбвакса (Хальбвакс 2007: 28–29) и супругов Ассман — Яна и Алейды (Ассман 2004; Ассман 2014; Assman 1999; Assman 2010). Этими учеными обоснованы различающиеся по содержанию концепты *коллективной, социальной, исторической* и собственно *культурной памяти*, с помощью которых явление памяти удалось увидеть за рамками индивидуального человеческого суще-

ствования и исследовать объективированным. В этом отношении к мемориальному повороту причисляют также труды Л.С. Выготского и М.М. Бахтина (Васильев 2012). В настоящее время работы в этой области идут в нескольких направлениях: продолжается разработка понятия «культурная память» (Образы прошлого... 2003; Васильев 2015; Культурная память в контексте... 2015; Репина 2016), в качестве объяснительной категории вместе с понятием «историческая память» оно участвует в исследованиях этнокультурных процессов, применяется к описанию сложных фактов социальной истории России (Эткинд 2015; Кочеляева 2015; Коротецкая 2016) и практик сохранения культурного наследия.

Таким образом, на общем фоне возросшего влияния конструктивистского подхода к пониманию реальности культура перестала пониматься лишь как статичное хранилище продуктов человеческой деятельности: она все более обнаруживала способность представлять в виде многочисленных общественных репрезентаций, формируемых и сменяемых в потоках «рефрейминга» (Ассман 2014) — изменения социальных рамок памяти. Это позволило задать концепт культурной памяти более операционально и применять его в эмпирических социологических исследованиях.

Для социологии важны уже самые первые идеи М. Хальбвакса о возможности рассмотрения индивидуального феномена памяти в социальном контексте и изучения ее внеиндивидуальных форм, создаваемых под давлением «социальных рамок памяти» — фреймов, контекстов, групп, полей, в которых осуществляются диалоговые практики работы индивидуальной памяти с культурой и формируется идентичность сообществ (Namer 2000; Misztal 2003).

Социологические исследования, так или иначе связанные с тематикой культурной памяти как памяти о прошлом в современном массовом сознании России, проводятся регулярно и касаются широкого спектра фактов истории и культуры. Они дают возможность проследить динамику представлений и служат индикаторами социальных настроений. Так, чаще других, в режиме многолетнего мониторинга всеми крупными социологическими компаниями (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр и др.) проводятся опросы на тему о национальной гордости россиян. В них значительная часть содержания касается истории и культуры страны, что позволяет отнести полученные данные именно к надындивидуальной, социальной или коллективной памяти, а выявленные опросом количественные приоритеты лишь подтверждают это. Отечественных исследователей социальной / культурной памяти более всего привлекает феномен и динамика исторического сознания (Тошенко 2000; Бойков, Меркушин 2003; Покида, Зыбуновская 2016, Коротецкая 2016 и др.) В работах этого направления исследуется и измеряется отношение общества к самым разным историческим фактам, среди которых находят себе место и память о войне, и путч ГКЧП, и празднование Пасхи, и установка памятников историческим личностям, и сами исторические личности. Иными словами, «мемориальный поворот» в социогуманитарных науках оказывает влияние и на эмпирическую социологию.

Международные и кросскультурные исследования подобного рода нам не встречались. Из-за высокой историко-культурной специфики стран и проблем

создания адекватного универсального инструментария сделать это, наверное, трудно.

Проект, представленный в данной статье, тематически входит в обозначенное исследовательское поле, но по предмету и методу является оригинальным и точных аналогов не имеет.

Далее культурной памятью будем называть надындивидуальное семантическое и семиотическое образование, сегмент семиосферы как пространства и условия множественных коммуникаций (Лотман 2001), в котором сохраняются и удерживаются лишь наиболее значимые, жизненно важные для той или иной коллективной идентичности символы и смыслы — идеи, ценности, установки, стереотипы, мифологемы. Понятийно она связана с коллективными представлениями Э. Дюркгейма и относится в его классификации к социальным фактам, обладающим по отношению к индивиду высокой определяющей, формирующей силой. Культурная память постоянно производится и перепроизводится в различных социальных или коллективных контекстах в соответствии с их идентичностью и для поддержания их идентичности. В этом смысле можно говорить о практиках культурной памяти и рассматривать их как один из каналов социокультурного наследования.

Культурная память может воплощаться материально — в памятных местах и предметах, знаковых, канонизированных произведениях искусства, в структуре календарного времени, позволяя наполнять его социальными смыслами (религиозные и светские праздники) и т. д. Она может быть развитой и купированной, если пресекаются какие-то традиции ее складывания. У одной и той же общности возможны различные модели культурной памяти в зависимости от того, как сообщество и его отдельные группировки выделяют значимые и знаковые элементы прошлого. Складываясь на протяжении истории, в основном, естественным путем устной традиции и ритуальных практик, сегодня она испытывает давление со стороны социальных сил, находящихся в борьбе за ценности и доминирующую картину мира. В этих условиях она может создаваться искусственно и навязываться с помощью пропаганды определенных явлений, событий, фактов и персоналий.

Культурная память может быть рассмотрена в качестве инструмента работы общества с образами прошлого и будущего. В свете этого предположения наличие в массовом сознании концептов каких-то явлений, да еще в форме ожиданий («может повториться»), уже есть культурная предпосылка априорной готовности к их реальному осуществлению. В случае, если они снова поступят на «рабочий стол» конструирования социального порядка, вероятность их реставрации — независимо от отношения к, казалось бы, «спящим» архетипам — окажется более высокой. Ибо архетипы как «социальные формы» (Г. Зиммель) несут с собой «ДНК» породившей их идеологии, ее культурные «мемы» и ментальные программы.

Влияние феномена культурной памяти довольно явственно проступает в результатах исследования работы обыденного сознания с конструктами прошлого и будущего в модальности иного порядка, чем ранее представленный, и в другом, мало формализованном подходе. Об этом — следующий раздел статьи.

Будущее как хорошее прошлое: свободное конструирование

Ранее мы убедились, что обыденное сознание способно проецировать прошлое на будущее и оценивать вероятное воспроизводство паттернов прошлого как благоприятное и неблагоприятное. Но, может быть, мы просто подсказали нашим респондентам эти формы? Ведь они работали с закрытым вопросом анкеты, где возможные варианты уже были сформулированы и предложены для оценивания. Встает задача проверить релевантность модели «будущее на базе прошлого» каким-то другим методом и материалом.

Такая возможность в программу исследования была заложена, и это позволило обратиться к собственным способностям аудитории моделировать или проектировать будущее, на этот раз под девизом «Взять все хорошее» — так часто звучащем в непрофессиональных аудиториях, среди обычных людей, в нормальной для них ситуации обсуждения того, что было, и того, что должно быть. То есть в такого рода запросе обыденному сознанию мы будем иметь дело с достаточно привычным ему, аутентичным кругом идей и операций.

Соблюдение правила компетентности респондента в обращенных к нему вопросах социологических исследований — важнейшее методологическое требование, позволяющее получить в опросах максимально достоверный исходный материал. Люди охотно говорят о том, что знают, в чем разбираются, и даже во времена советской социологии фоном к ответам на формализованные вопросы шел ценнейший нарратив о живой социальности, которую даже наилучшим образом составленная анкета не в состоянии была зафиксировать. Социолог, особенно на производстве, выступал в роли той самой жилетки, в которую можно было поплакаться и тем самым оставить память о подспудных реалиях тогдашнего общества.

В нашем случае участникам исследования было предложено смоделировать будущее путем популярной в массовом сознании методологии «взять из прошлого все хорошее». Фактически такая работа представляет собой *мысленный эксперимент по социокультурному наследованию*. Поскольку подобная познавательная посылка создана самим повседневным сознанием и привычна ему, мы посчитали возможным попросить респондентов проделать такую сложную когнитивную работу. Методически идея заключалась в том, чтобы с помощью опроса в режиме свободного формулирования ответов на материале имеющегося комплекса представлений о прошлом респонденты произвели отбор культурных (социокультурных, социально-исторических) качеств и свойств российского социума по признаку приемлемости и ценности для современной России и ее будущего. То есть работали бы в режиме, имитирующем эволюционный отбор и наследование. «Наследственным материалом» отбора становился, таким образом, *опыт поколений* — социокультурные «наработки» и социопсихические характерологические свойства российского общества за прошедшие примерно 100-120, может быть, 150 лет — т. е. за тот период, социальная повседневность которого как-то различается массовым сознанием.

Инструментом сбора данных для поставленной цели послужила конструкция из 5-ти открытых вопросов с общей формулировкой «*Что, на Ваш взгляд, стоило бы позаимствовать на будущее из опыта предыдущих и нынешних поколений?*» Для оценки и отбора по критерию ценности для будущего выделен опыт

нескольких поколений российских граждан — 1) досоветский, 2) советский, 3) ранний постсоветский (1980-90-е гг.) и современный, с двумя концентрациями — 4) современная молодежь и 5) все ныне живущие возрастные группы. Таким образом, мы получили возможность изучить 5 срезов феномена «позитивный опыт поколений», выстроить их динамику и оценить с позиций настоящего, а также с перспективой на будущее. В 2014 г. ответили на открытые вопросы 432 человека, получено и обработано 2972 ответа. Обработка произведена методами качественного и количественного анализа полученных массивов высказываний (группировка по близости смыслов, контент-анализ), конструирование номинативных шкал, отражающих глубинные структуры и смысловые модели социокультурного и социопсихологического наследования, а также дискурс-анализ образовавшихся семантико-семиотических облаков и их динамики.

В процессе группировки и типологизации полного массива высказываний создана универсальная для данного исследования шкала примерно из 50 позиций, которая дает возможность многомерных описаний позитивного опыта разных поколений и возможность их сравнения между собой. В самом общем виде шкала состоит из 4-х крупных блоков, характеризующих важнейшие системные свойства и структуры общества: 1) *социальные институты и практики*; 2) *терминальные ценности*; 3) *инструментальные ценности и поведенческие установки*; 4) *человеческие качества*; в них выделены более частные смысловые кластеры и детализированы конкретные признаки опыта поколений, предположительно полезного для наших дней и будущего (табл. 2).

В вариациях выбора характерных признаков той или иной эпохи довольно быстро стала угадываться определенная система.

Так, человеческие качества респонденты более склонны брать у досоветских и советских поколений (*честь, благородство, достоинство; героизм, мужество, коллективизм*), а также предлагают свои, личные (*приспособляемость, способность преодолевать трудности*); инструментальные ценности и поведенческие установки — у современной молодежи (*стремление к переменам, владе-*

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос об эволюционно полезных элементах исторического опыта поколений

% от числа ответивших на открытые вопросы, N=432 чел.

Эволюционно полезные элементы исторического опыта поколений	Полезные элементы опыта поколений				
	досоветских	советских	постсоветских	современной молодежи	из личного опыта
Институты и практики	37	23	5	4	39
Терминальные ценности	23	29	9	8	10
Инструментальные ценности и поведенческие установки	3	30	39	56	22
Качества личности	71	69	31	37	73

ние технологиями, знание иностранных языков), терминальные ценности, хоть и небольшое их количество, находят, в большей или меньшей степени, у всех поколений, но в основном, досоветских и советских (*любовь к Родине, вера в будущее*), а институты и институциональные практики в предложенном контексте плохо различают во все эпохи (кроме *образования*, которое «прописано» респондентами, главным образом, в досоветском и советском периодах, и *семьи, семейных ценностей*, как правило, патриархальных, относящихся почти исключительно к досоветскому периоду и досоветским поколениям).

Потому ли, что респонденты отвечали на вопрос об опыте поколений, или потому, что образы исторического времени лучше выражены в повседневном сознании через человеческие образы и характеры (здесь многое сделали кино и художественная литература), но основной объем ответов составляют характеристики человеческих качеств. Их общий массив удалось сгруппировать в несколько смысловых кластеров (от 7 до 9 в разные исторические эпохи), из которых универсальными оказались семь: 1) пассивно-депрессивные; 2) возвышенно-аффективные; 3) когнитивные; 4) социально-трудовые; 5) социально-правовые; 6) социоэтические; 7) коммуникативные.

К первым двум рядам (пассивно-депрессивные и возвышенно-аффективные) отнесены качества, базирующиеся на психофизическом статусе человека, уровне его жизненной активности и поэтому мало зависящие от социальных воздействий — эмоции, характер, темперамент: пассивно-депрессивные качества в спектре *терпение — смирение — покорность — терпеливость*; возвышенно-аффективные в спектре *героизм — стойкость — смелость — подвиг*. Остальные пять рубрик типологически группируют, напротив, социально зависимые, формируемые качества, связанные с характером среды и культуры. (табл. 3)

Таблица 3

Эволюционно необходимые человеческие качества разных поколений

% от числа ответивших на открытые вопросы, N=432 чел.

Человеческие качества	%
Коммуникативные (коллективизм, дружба, доброта, отзывчивость и др.)	74
Социоэтические (честь, достоинство, порядочность, верность)	61
Возвышенно-аффективные (героизм, стойкость, смелость)	41
Социально-трудовые (трудолюбие, работоспособность, ответственность)	41
Когнитивные (ум, мудрость, точка зрения)	33
Пассивно-депрессивные (терпение, терпеливость)	23
Социально-правовые (законопослушность, дисциплина)	5

Заимствовать в опыте поколений опрошенные предлагают, в первую очередь, коммуникативные и социоэтические качества, высоко ценят возвышенно-аффективные, трудовые и когнитивные, в меньшей степени, но все же отмечают необходимость или неизбежность пассивного терпения — и практически не востребуют качества социально-правового характера. В последнем случае мы имеем дело с глубоким социальным дефектом незначимости права

и правил для массовой и обыденной ментальности нашего населения, который наблюдается в разных исследованиях на протяжении многих лет. В картине мира и в семантико-семиотическом поле культурных значений правовые установки артикулируются крайне слабо (Крокинская 2008).

Небезынтересна дифференциация принадлежности человеческих качеств разным поколениям, с точки зрения опрошенных. Согласно данным табл. 4, идеальный или, по крайней мере, желательный для будущей России человек, совсем не фантастический, а укорененный в отечественной истории и культуре, должен соединить в себе лучшие черты всех поколений, причем не только традиционных, во многом уже мифологизированных, но и современных, ныне живущих, в том числе, молодых, в человеческих качествах которых отложился и оказал формирующее влияние многообразный и не всегда позитивный социальный опыт.

Таблица 4

Принадлежность эволюционно полезных качеств разным поколениям по сравнению с современными поколениями (по самоопределению выборки)

% от числа ответивших на открытые вопросы, N=432 чел.

Полезные качества	Распознаются у следующих поколений:				
	Участники исследования (самоопределение)	Досоветские поколения	Советские поколения	Постсоветские поколения	Современная молодежь
Коммуникативные	25	12	22	7	8
Социоэтические	17	29	8	2	5
Когнитивные	10	3	2	4	14
Социально-трудовые	10	11	16	2	2
Пассивно-депрессивные	6	8	4	3	0,2
Возвышенно-аффективные	6	4	15	11	5
Социально-правовые	0,5	2	2	0,5	-

В том, что касается человеческих качеств, культурная память оказывается довольно тонким инструментом различения и запечатления особенностей прошлого. Так, для разных исторических эпох, для разных поколений страны она выделяет характерные паттерны, архетипы и символы, подолгу сохраняя в их репрезентации аутентичный дискурс. Но все же со временем он размывается, и в текстах, с помощью которых наши современники, особенно молодые, передают свои представления о прошлом, начинают существовать внеисторические или модернизированные нарративы. Например, для досоветского времени: *находчивость, креативность, развитие, приспособляемость к изменениям, неординарность, при неразвитых технологиях добиться хороших результатов в промышленности и сельском хозяйстве.*

Один из самых интересных фактов такого рода — появление в ранее дихотомической оппозиции «пассивно-депрессивные / возвышенно-аффективные качества» некоего срединного показателя, обозначившего в этой полярно организованной картине «нормальный центр». Между терпением и покорностью, с одной стороны, и героизмом, самоотверженностью, с другой, — появляются спокойствие и толерантность. Этот «нормальный центр» существует в досоветском периоде, там он выражен пасторальным рядом *благочестивость, безропотность, спокойствие, безмятежность, естественность, спокойная и размеренная жизнь, степенство*; далее, в качествах советского периода, он почти полностью отсутствует (названо две единицы — *спокойствие, уравновешенность*) — и вновь возникает для постсоветского поколения и у взрослых, и у молодых (*стрессоустойчивость, хладнокровие, спокойствие; стабильность, лояльность*). Ситуация вновь начинает производить давнюю формулу *спокойствие, сдержанность, уравновешенность*. Элементов спокойной, нейтральной психифизики в различаемом опыте прошлого откровенно мало, но для характеристики культурной памяти как инструмента отображения ушедшей реальности это интересный признак: очевидно, она способна фиксировать явления и сильно, и слабо выраженные (хотя бы тем, что не замечает их). Другой срединный признак между пассивностью и аффектом — тоже простые, «спокойные», становящиеся обычными *активность и инициатива*. Они полностью отсутствуют в памяти о досоветских, советских и постсоветских поколениях; в слабой степени обозначаются участниками выборки для себя — и взрывом значений проявляются для современной молодежи, давая уже 11 % нарративных единиц, выделенных всеми возрастными группами опрошенных: *активность, инициативность, рискованность, азартность, авантюризм, изобретательность, кураж, бесстрашие перед новизной, амбициозность, стремительность, неугомонность, неуспокоенность, энергичность, увлеченность, бодрость, легкость на подъем*. Таким образом, мы наблюдаем существенное новое, аутентичное лишь постсоветскому времени, явление.

Иными словами: сложный период постсоветского транзита породил новые приспособительные качества, отвечающие характеру изменений в социуме*, способные создавать более гибкую и многофакторную структуру реагирования, чем жесткие *терпение и пафос*. Как она будет развиваться в ситуации наблюдаемой ныне угнетенной социальной динамики, пока неясно.

Полная картина желательных человеческих качеств для настоящего и будущего страны демонстрирует следующие приоритеты (жирным шрифтом выделены позиции, повторяющиеся чаще других):

- **честь, достоинство, благородство**, гордость, доблесть;
- **честность, порядочность**, верность, надежность;
- **героизм, мужество, отвага**, стойкость, смелость, воля;
- **доброта, доброжелательность, дружелюбие, открытость, отзывчивость**, искренность, общительность, великодушие;

---

* В высшей степени ярко и убедительно это выглядит при анализе инструментальных ценностей и поведенческих установок, здесь не представленных из-за ограничений объема статьи.

- **коллективизм, взаимовыручка, дружба**, товарищество, сплоченность;
- **уважение к людям, уважение старших**;
- **трудолюбие, работоспособность**, ответственность;
- **ум**, неординарное мышление, новаторство, талант, творчество, индивидуальность;
- упрямство, решительность, раскрепощенность;
- терпение, терпимость, толерантность.

Совсем неплохой портрет, однако состоит он чуть ли не сплошь из дефицитных черт, особенно на верхних позициях. Не сразу бросается в глаза, но в итоге проявляется довольно четко, что, решая задачу «взять из прошлого все хорошее», массовое сознание, в конечном счете, берет то, чего не хватает в настоящем. Кажется, здесь мы имеем дело с явлением так называемых ценностей по отсутствию, когда ценится не то, что есть, а то, чего нет. В данном случае то, чего сегодня нет, — это этика, позволяющая делать моральный выбор и этим создавать общественный климат, достойный человека.

Разумеется, трудно отрицать тот возможный довод, что реальное заимствование опыта, типовых социальных реакций, форм социального поведения, содержания социальных регуляторов (норм, ценностей), выражающих эпоху символов, а также, в особенности, человеческих качеств происходит в живых практиках социальной жизни — взаимодействии, труде, обучении, воспитании, подражании. Но не станем исключать и тот факт, что развитие рефлексивных средств культуры позволяет совершать такие заимствования «через голову» практики — идеальным и даже идеалистическим путем: через знания, образы, эмоции и иные восприятия, в том числе, с помощью искусства и литературы. В последнем случае — конструируя идеалы и идентифицируясь с ними, подражая и целенаправленно строя свое поведение в той или иной роли. Ведь, наверное, прав Дж.Г. Мид, когда говорит о формировании личности через принятие роли другого, и, наверное, не проходит даром то, что пел В. Высоцкий о «книжных детях»: «...Мы на роли предателей, трусов, иуд в детских играх своих назначали врагов,... (а) на роли героев вводили себя...».

Некоторые выводы

Представляется, что на основе исследовательских данных, представленных в этой статье и в других сопутствующих публикациях, можно сделать некоторые выводы, побуждающие к дальнейшему изучению предмета, — как чисто академическому, так и прикладному.

1. Обыденное сознание (сознание повседневного быта, улицы, кухни, разговоров в курилке) является одновременно как продуктом, так и субъектом (квазисубъектом) среды, сформированной повседневной и массовой культурой общества. Базой его когнитивной активности являются живой, собственный, опыт, остаточные знания, полученные в системе образования и «обработанные» массовой культурой (кино, ТВ, художественная и популярная литература), а также результаты направленной на него деятельности по формированию конъюнктурно приемлемых социальных представлений. В этом качестве оно участвует в реальных процессах трансформации современной ментальности, в чем-то способствуя ее развитию, а в чем-то тормозя его.

2. Обыденное сознание способно оперировать конструктами не только настоящего, но также прошлого и будущего. Свои когнитивные операции оно совершает как на социетальном уровне — с помощью «подсказок», специально сконструированных шаблонов (прототипов, паттернов), так и на микроуровне социума — в свободном дискурсе, самостоятельно распознавая социальные паттерны и шаблоны, участвующие в интеракциях (как правило, это поведенческие установки и человеческие качества).

3. Выйти за рамки стереотипов у обыденного сознания инструментов нет, или они не найдены. Впрочем, *ощущение* выхода за рамки у него может складываться. Так, на темпоральные признаки наступления застоя оно отвечает изменением ощущений в динамике среды (Крокинская 2015). В частности: оно реагирует на ситуационные контексты; различает модусы социального движения и застоя; готово видеть в прошлом образцы для будущего; из этих образцов оно что-то готово сохранять для будущего, а от чего-то готово (и хочет) отказаться.

4. Культурная память обыденного сознания позволяет ему отбирать и оценивать с точки зрения предлагаемых критериев значимые, ключевые, субъективно достоверные элементы, маркирующее ту или иную историческую эпоху относительно точно. С помощью этих элементов путем разнообразной комбинаторики, в т. ч. экстраполяции, могут конструироваться другие социокультурные контуры, в том числе, контуры будущего.

При этом понятно, что реальное будущее не может и не должно рождаться исключительно на базе проективной деятельности ни обыденного, ни массового сознания, т. е. путем репродукции и экстраполяции опыта. Оно должно содержать представления о неизбежных, неминуемых и постоянных изменениях, как приходящих извне, так и рождаемых внутри общества, его интеллектуальной активностью и практиками. В противном случае общество лишается возможности реагировать на случайные и неслучайные, но столь же неизбежные, неминуемые и перманентно происходящие реальные изменения во внешней и внутренней среде его существования.

Понятно также, что все вышесказанное должно быть проверено на более широких общностях, чем население Санкт-Петербурга — поликультурного мегаполиса с развитой экономической инфраструктурой, высокообразованным населением и европейской открытостью, что делает его коллективную память и его коллективную идентичность неординарными и в масштабах России не тиражируемыми.

Литература и источники

Ассман А. Рефреймируя память. Между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого // *Гептер. Интернет-журнал*. 28.03.2014. [<http://gefter.ru/archive/11839>]. Дата обращения 26.07.2016.

Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования // *Социология власти*, 2003, 2: 6–18.

Васильев А.Г. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке*: Коллективная монография. Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015: 29–57.

Васильев А.Г. «Осевое время» memory studies: российский след // *Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research*. 2012, 1(6): 6–11.

Иванов Д., Асочаков Ю. Будущее как предмет социологии // *Телескоп*, 2016, 3 (117): 15–21.

Кордонский С. Мы живем в остановленное время // *Интервью компании ТВ-2*, г. Томск, 18 ноября 2015 г. [<https://cont.ws/@putanik/149377>]. Дата обращения: 26.07.2016.

Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная конструкции памяти: фактор травмы и позиция жертвы // *Социологические исследования*, 2016, 3: 107–117.

Кочеляева Н.А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества // *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке*: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015: 58–72.

Крокинская О. Думать о будущем, когда время остановилось // *Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему. Материалы VIII социологических чтений памяти В.Б. Голофаства*. СПб., СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г. СПб.: Эйдос, 2015: 73–86.

Крокинская О.К. Народная теория нормативного нигилизма и проблема нравственности // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: пути взаимодействия»* (Москва, 21–24 октября 2008 г.). [http://www.isras.ru/publications_bank/1228050590.pdf]. Дата обращения: 26.07.2016.

Кузнецов Е. Будущее как практика: как и зачем думать о будущем // Полит.ру. Лекции. 2013. 30 мая. [<http://polit.ru/article/2013/08/23/kuznecov/>]. Дата обращения: 26.07.2016.

Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый институт культурологии; отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015.

Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю.М. *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПб, 2001: 614–621.

Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб., СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г. / Редактор и составитель О.Б. Божков. СПб.: Эйдос, 2015 г.

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репина. М.: «Кругъ», 2003.

Пастухов В. Нет сигналов к образу будущего, которое сулит позитивные изменения // Социологи рассказали, чего россияне ждут от Нового года. *Лента.Ру*. 2015. 11 января. [<http://lenta.ru/articles/2015/01/11/2015/?f>]. Дата обращения: 26.07.2016.

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // *Социологические исследования*, 2016, 3: 98–107.

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*, 2004, 5: 33–45.

Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // *Новое прошлое. The new past*, 2016, 1. [<http://newpast.sfedu.ru/archive/chtobyromnili-1-2016/stat'ya-5/>]. Дата обращения 26.07.2016.

Рубцов А. Есть ли будущее у возврата в прошлое / Метафизика власти: Эта убийственная стрела времени // *Ведомости*, 11.07.2014, 3628. [<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/07/11/eta-ubijstvennaya-strela-vremeni>]. Дата обращения: 26.07.2016.

Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // *Новая и новейшая история*, 2000, 4: 3–14.

Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 2007.

Эткинд А. «Мы судим о будущем, исходя из прошлого» // *Культурная эволюция: наука и образование*, 14.07.2013. [<http://yarcenter.ru/articles/science/education/my-sudim-o-budushchem-iskhodya-iz-proshlogo-66417/>]. Дата обращения: 26.07.2016.

Эткинд А. *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Assman A. *Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München: C.H. Beck, 1999.

Assmann A. Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past, in: K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam University Press, 2010: 35–50.

Misztal B. *Theories of Remembering*. Maidenhead-Philadelphia, 2003.

Namer G. *Halbwachs et la mémoire sociale*. P.: L'Harmattan, 2000.